

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

В той военной дали...

**К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ ВИКТОРА НЕКРАСОВА**

**К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ШТИТЕЛЬМАНА**

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ СЛЕПУХИНА**

12 +

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2026

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ СВОБОДНОГО ДОСТУПА СЕТИ «ИНТЕРНЕТ

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

ТИРАЖ: 8 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Разговор о себе.....5

Из дворянинов.....10

Из оstarбайтеров.....27

Из отвсекретарей.....41

Встречающиеся в тексте понятия и термины
поясняются в словаре в конце книги.

*Шли, как в атаку, напролом,
Сквозь муки лагерей,
Чтоб донести тем, кто живёт,
Всю правду горьких дней.*

*Писатели военных лет,
Ваш подвиг вечно свят!
Ведь души ваши – обгорев –
И ныне не молчат....*

Леонид Мирошниченко

РАЗГОВОР О СЕБЕ

Для любого читателя разговор о писателе – это ведь разговор о себе.

Любовь с писателем по-настоящему случается, если он что-то может тебе – о тебе – рассказать, зацепить как-то, удивить...

Даже помимо своей воли.

Горбачёвская перестройка поставила на поток издание ранее не издававшегося. Печатали всё.

Не важно, достойная литература или чтиво непонятно какого сорта.

И казалось, что зачем-то надо разобрать эти завалы, зачем-то надо прочесть всё, что запрещали, а теперь – пожалуйста!

Ориентир простой: раз публиковалось лишь за границей, заслуживает внимания.

Предел мечтаний для советского диссидента. Инакомыслящего то есть.

И особенно, если публикация от своего же инакомыслящего собрата!

А остальное – так, макулатура почти...

Но со временем приходит осмысление: не печатали – и правильно делали!

Значительная часть этого, не издававшегося, оказалась просто мусором. Ничего не может тебе – ни рассказать, ни зацепить, ни удивить.

Как замечено в одном из отзывов, *«финансовый рай, мордобой под копытку и сопля всех цветов радуги»*.

Отзыв, конечно, с большим сарказмом, а верный.

Но литература инакомыслящих существует, и вовсе не плохая.

Отчего диссидентами становились?

Наверное, у каждого какая-то своя причина.

Но обязательное общее: недовольство обстановкой, в которой приходится жить. И потому уезжали.

Кто-то рай нашёл, а у кого-то всё окончилось мордобоем. Не всегда радужно случалось.

Давайте вспомним сегодня писателей-эмигрантов. И их очень неплохие книги.

И вспомним – не эмигранта. И его очень неплохие книги.

Виктор Некрасов.

Разносторонний талант – и писал хорошо, и на сцене отметился удачно, и как архитектор известен.

Хотя высшего образования так и не получил.

Ветеран Великой Отечественной, ранения, ордена «Красной Звезды» и «Знак Почёта», медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

Имя в русской литературе очень значимое. Занимал Виктор Платонович высокие должности.

По его произведениям снимали художественные и документальные ленты.

Но – чего-то не хватало.

Начал с восторга по поводу 17 каналов западного телевидения. Окончил лишением советского гражданства.

Знакомые говорили, что *«Платоныч из тех, кого за границу выпускать нельзя: по натуре завистлив»*.

Что, казалось бы, для фронтовика добровольца совершенно неприемлемо...

Франция удостоила ордена Искусств и литературы.

Учреждена Некрасовская премия русскоязычных писателей Израиля, а в мемориале Бней-Айша – в списке выдающихся неевреев, боровшихся против антисемитизма – его имя стоит на первом месте.

В Киеве названы улица и библиотека.

И 3 сентября 2002 года на фасаде Ростовского дома офицеров Южного военного округа установлена доска памяти.

Вот об отечественной странице в некрасовской биографии и поговорим.

А о зарубежной не будем – в интернете (для желающих) информации с лихвой.

Этот русский писатель – тоже те годы грозные вниманием не обошёл.

Роман «Перекрёсток», как вчерашним школьникам происходящее осознать?

- Вообще, ко многому трудно привыкнуть в этом сумасшедшем месяце – сентябре 39-го.

Трудно привыкнуть к тревожному слову «война».

В романах Юрия Григорьевича – не только подвиг народа, но и неоднозначные оценки происходящего.

Советский фронтовик, Виктор Некрасов – в 60 лет уехал.

Не воевавший малолетний эмигрант Юрий Слепухин – в 30 лет вернулся.

Называли странным, с князем Мышкиным сравнивали.

Он даже школу не окончил, но его именем названо литературное объединение, награждён медалью «За трудовое отличие».

Занимался самообразованием, в совершенстве владел английским и испанским, свободно читал на латыни, немецком, французском, польском и украинском.

Был энциклопедически образован: читатель «Киммерийского лета» уверен, наверное, что автор – археолог.

Вернулась и младшая сестра Ирина.

Тоже перо пробовала, под псевдонимом Айрис Дюбуа – роман из французской истории «Сломанный клинок». Ничего особенного, таких – сотни.

Написала воспоминания о брате. Которые – в главах об СССР – просто пропитаны злобой!

Она даже замуж вышла за своего троюродного брата, чтобы (как сплетничали) «ни с кем из советских не знаясь».

Но Ирину Григорьевну и будем цитировать – ничего другого о заграничной биографии писателя не находится.

И, абсолютно на этих двух непохожий, третий герой сборника, тоже писавший о войне.

В отличие от 70-летних представителей голубых кровей Некрасова и Слепухина 30-летний Миша Штительман – сын простого бухгалтера. Зато окончил Ростовский пединститут.

Август 1941 года, фрагмент письма Михаила Ефимовича жене Евгении Борисовне и маленькой дочке Рэне:

- Мне ничего не надо, ничего не страшно, с открытыми глазами встречу любое испытание.

Если ты хочешь знать о нас, читай «Молот», читай о коневцах, здесь дела хороши.

Ими гордится страна, и нам приятно вносить в великое дело свою лепту, свой труд.

Взрослая Ирэна Михайловна скажет об отце:

*В той военной дали,
Там, где смерть вокруг...*

Сентябрь под Вязьмой – месяц памяти павших.

Мемориал в их честь открыт в год 35-летия Великой Победы.

Почти тысяча имен высечена золотом на мраморных плитах.

И среди них – имена наших земляков, писателей и воинов.

Старший политрук Александр Иванович Бусыгин.
Политрук Григорий Борисович Гридов.
Старший политрук Григорий Михайлович Кац.
Старший политрук Михаил Ефимович Штительман.

О Бусыгине рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Вы потом всё припомните, как сновиденье...»

В этом сборнике – рассказ о Штительмане.

*

ИЗ ДВОРЯНИНОВ

- Виктор пришёл в наш театр в сентябре 1940 года. Это был умный, тонкий, обаятельный человек, хорошо образованный.

Это был настоящий дворянин.

Несмотря на свою артистическую молодость, был очень способный, уже тогда чувствовался огромный потенциал...

С порученными ролями успешно справлялся, и это было отмечено в коллективе.

Он сразу всем понравился. Подкупали его честность, прямолинейность, доброта.

Мой муж Александр Габ знаком с ним ещё по работе в Киеве, и мы очень дружили. После выхода «Окопов» прислал книгу с тёплой дарственной надписью.

У Вики была замечательная жена, красавица артистка Галочка Базий. Надо было видеть, как он тактично ухаживал, как среди зимы дарил живые цветы.

Они познакомились в Киеве, а в Ростов приехали всей семьёй, поскольку у Галочки был сын от первого брака, тоже Витя.

Сейчас он солидный, известный писатель Кондырев, переводчик. Живёт в Париже, преподаватель Сорбонны.

А я его помню 3-летним мальчишкой. Он сидел у меня на коленях и читал «Тараканище».

Так случилось, что в нашем театре было немало киевлян. И сам любимый мой главный режиссёр Саша, и многие актёры.

Киевлянином был и Вика. Образовалось своеобразное землячество.

Их объединяло многое, но прежде всего – любовь к своему городу. Они часто собирались и с упоением вспоминали родные пенаты.

И каким был увлекательным рассказчиком!

Импонировал всем его живой, образный язык.

Здесь, на этих вечерах, он как-то и признался, что увлекается литературой.

Новые друзья охотно посещали его дом-гигант, что на проспекте Соколова.

...А на сцене Вика – был настоящим мушкетёром, чутко ощущал состояние партнёра, блестяще подыгрывая в нужный момент.

К сожалению, до конца жизни оставаясь актёром, Виктор избрал иной путь.

Так охарактеризовала своего театрального коллегу актриса Варвара Шурховецкая.

100 лет назад имя этой ростовчанки гремело.

Варвара Ивановна играла на сцене Театра Красной Армии СКВО.

А партнёром был Виктор Некрасов – впоследствии знаменитый фронтовой писатель.

О Шурховецкой рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Не повторяется такое никогда».

Вика на свет появился в столице Украины. 17 июня 1911 года.

Отец Платон Феодосиевич – клерк в банке Петропавловска. Мать Зинаида Николаевна – известный в Киеве медик.

Почему жили родители отдельно, вопрос без ответа.

А потом Зинаида Некрасова с годовалым Викой, старшим 9-летним Колей, матерью Алиной Антоновной и сестрой Софьей отправилась в Париж.

Цель своеобразная: чтобы дети отлично знали французский.

Откуда у простой врачихи такие средства? Да и не первый то заграничный вояж.

Зиночка медицине обучалась в Швейцарии и во Франции. Там и с Платоном познакомилась. Там и Коля родился.

А просто, оказывается, бабушка Алина Мотовилова – очень именитая аристократка.

Сам писатель рассказывал так:

- В бабушке не было ни капли русской крови.

Отец её по происхождению швед – барон Антон Вильгельм фон Эрн (вернее Орн), генерал русской армии.

Мать – тоже дворянка, родом из Венеции, Валерия Францевна Флориани.

Но как-то получилось, что бабушка моя умудрилась сочетать в себе самые положительные черты русского человека.

Приветливость, доброта, исключительное гостеприимство, умение легко переносить трудности...

Знакомые рассказывали:

- Эта выпускница Смольного на старости лет не могла отказать себе в «неприличной» слабости: взять из погреба кубик творога и есть его не ложечкой, а руками.

Это у неё называлось «порезвиться».

Внук ей в этом всячески потакал.

И позже, когда, бывало, Зинаида Николаевна выговаривала за столом: «Вика, не бери руками!», он отшучивался: «Мама, это у меня наследственное!»

И тоже привык обходиться тем, что бог послал, с минимумом сервировки.

Средств дамам хватало.

А вот о Николае Мотовилове, супруге шведско-итальянской баронессы, известно лишь, что дальний родич Анны Ахматовой. И всё.

Возможно, двоюродными были бабушка Анны Андреевны и дедушка Николая Ивановича.

В Лозанне у Алины Антоновны – родственники, но иждивенцами гости не стали.

Сёстры работали, Зинаида Николаевна – в военном госпитале.

Так что, детство провёл будущий писатель в окружении эмансипированных интеллигенток.

Его и звали потому – Вика. Как девочку.

А ещё повидал многих политэмигрантов.

И посещал импровизированный эмигрантский «детский сад», организованный будущим наркомом просвещения Анатолием Луначарским в парке Монсури.

Играл с его сыном и с сыном будущего режиссёра Леонида Кристи.

Заходили в гости Валентин Плеханов и Владимир Ленин.

Хотя, конечно, никого и ничего взрослый Виктор не помнил.

В 1915 году вернулись дамы в Киев. Сыновья посещают частную школу.

Платон Феодосиевич теперь почему-то оказывается в Красноярске и через 2 года умирает.

А во всём мире – война, а в стране – революция. Дворянки, конечно, к такому не привыкли. Но жили.

Софья Николаевна (геолог и философ со знанием 4-х языков) найдёт своё призвание в библиотечном деле.

А Зинаида Николаевна – снова в больнице, довелось быть и фтизиатром, и участковым терапевтом, и в вокзальном медпункте дежурить.

В 19-м Колю отправили в Миргород, двоюродный брат матери Сергей Николаевич Эрн работал в санатории. И там кормили.

Но ничего хорошего не вышло.

Как рассказывают, говорил только по-французски. Во что верится с трудом – и до Парижа 8 лет жил в России, и после уже 4 года.

И в Миргороде попался парень патрульным.

То ли на улице, то ли дома книжки иностранные нашли...

Франкоговорящего обвинили в шпионаже, заporоли шомполами и бросили в реку.

До перестройки писали, что петлюровцы.

При демократах – что красноармейцы. Даже у самого Некрасова разночтения.

Уцелевшего сына Зинаида Николаевна боготворила. И он отвечал тем же.

В конце жизни сломала шейку бедра. И сын терпеливо ухаживал, и в больнице, и дома.

Ушла в 70-м, ей было 90...

В 83-м, в Париже, Виктор напишет:

- Ну какое я имею право жаловаться, если, отрубив весь Сталинград от первого до последнего дня, остался жив.

И вернулся в родной Киев, и обнял маму, которой тоже не так уж сладко было в годы оккупации.

Обнял, расцеловал её, маленькую, худенькую, склонившуюся над своей дымящей из всех щелей печуркой, и прожил с ней ещё 25 лет!

Подумать только – 25 лет.

...Её любил и люблю больше всех, её мне больше всех не хватает на свете – её ясности, весёлости, доброжелательности во всём.

Злые языки утверждали, что потому и брак заключил Вика лишь после кончины родительницы...

В 1926 году окончена трудовая школа, в 29-м – железнодорожная строительная.

Первая специальность – техник путей сообщения.

А дальше выбрал парень зодчество, поступил в Киевский строительный институт, учился у известного архитектора Иосифа Каракиса.

Не меньше интересовали театр и литература – ещё в школьном журнальчике «Зуав» с удовольствием и писал, и рисовал.

Посещал литературную студию Дмитрия Урина.

В 32-м решился на публикацию: журнал «Советский коллекционер» собирал читательские отзывы.

Статью так и назвал: «Мысли вслух о нашем журнале».

Затем обучался на курсах при Киевском театре русской драмы у режиссёра Ивана Чужого.

Некрасов посвятит ему зарисовку: «Чужой. Маленький портрет».

Однако диплома строителя не случилось. Версия: второкурсник отправил какие-то чертежи Шарлю Ле Корбюзье.

Что не понравилось ректорату.

И, хотя маститый француз идеи в ответе раскритиковал, студент с вузом рассорился.

Но поработал в архитектурных мастерских, строил Киевский вокзал, и по его проекту даже возведена лестница на Аскольдовой могиле.

Свой Киев не забывал Виктор никогда. И в «Окопах» для памяти страничка нашлась:

- Милый, милый Киев!..

Как соскучился я по твоим широким улицам, по твоим каштанам, по жёлтому кирпичу твоих домов, тёмно-красным колоннам университета...

Как я люблю твои откосы днепровские...

А когда в «Новом мире» появился некрасовский очерк «Дом Турбиных», к дому потянулись.

Называют с той поры – не по фамилии жившего тут автора, а по фамилии «живших» его героев.

Дом Турбиных стал легендой Андреевского спуска.

Недоучившийся архитектор поступает в труппу в Кривом Роге. Поменял ещё несколько театров, актёром был, художником, постановщиком.

И, наконец, Ростовский театр Красной Армии.

Встретился здесь с давней своей любовью Галочкой Базий.

И подружился с Варварой Шурховецкой и её мужем режиссёром Александром Габом.

Дружба никогда не прерывалась. Летом 53-го, путешествуя с матерью на теплоходе, побывал у артистов снова.

Потом рассказывал, какая «добрая, чудесная, весёлая» была встреча! А хозяйка рассказывала, с каким обожанием на мать смотрел.

И Варвара Ивановна навестила Некрасовых в Киеве, в их доме на Крещатике, 15.

Об этой встрече напоминает сувенир – несостоявшийся актёр подарил актрисе состоявшейся пепельницу. Такой хорошенький верблюдик.

Актриса делилась:

- Когда началась война, мы бросились в военкомат – стали проситься на фронт.

Но нам ответили, что воевать будут другие, а «ваше дело – вдохновлять солдат».

И мы всю войну выступали.

Единственным, кого из наших артистов забрали на фронт, был Виктор Некрасов.

Мы страшно завидовали ему: надо же как повезло, он Родину защищать будет!

Дело в том, что Вика по профессии был сапёром, а сапёров не хватало. И хотя ему полагалась бронь, он очень просился на фронт! И на сцене дела шли у него из-за этого не очень гладко...

Помню, как он страдал, когда на выступлении в одном из гарнизонов забыл строчки из стиха Николая Асеева о войне.

Пришлось на ходу сочинять финал самому.

Кроме массовой, Виктор Платонович успел сыграть здесь и две заметные роли.

Граф Кутайсов в пьесе «Полководец Суворов» Игоря Бахтерева и Александра Разумовского.

И офицер в водевиле «Своя семья, или Замужняя невеста» Александра Грибоедова и его соавторов Александра Шаховского и Николая Хмельницкого.

А когда вот успел сапёрному делу обучиться, неясно.

24 августа 1941 года Некрасов призван.

Был полковым инженером, приходилось и батальоном командовать.

Однополчане рассказывали, что всегда держался на равных. И от пуль не прятался.

Юго-Западный фронт, Украинский, Сталинградский...

На Мамаевом кургане написал заявление в партию.

И стал автором первого сталинградского военного памятника: возведён на могиле командиров 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии.

Летом 43-го под Донецком ранен.

Уговорил врачей, хоть и не долечился ещё, отпустить в Киев. Дали 10 дней, и Вика помчался к матери.

Затем освобождал Польшу.

Командование отметило *«профессионализм капитана Некрасова в восстановлении разрушенных мостов через Западный Буг и переправу орудий на построенных силами его подразделения плотках, под сильным огнём противника»*.

В Люблине – снова ранение, искалечена правая рука, инвалидность, в начале 45-го демобилизован.

Стал искать потерянную где-то в эвакуации Базий – безуспешно. Встретились лишь в конце 50-х.

Долго переписывались, перезванивались – невеста жила в Кривом Роге.

Жених даже подарки слал, а вот с жизнью холостяцкой расставаться явно не спешил.

Но, видимо, Галина всё же переубедила.

Приехала под Новый, 1972, год в гости. И 4 января – бракосочетание.

До лета 47-го заведовал Некрасов отделом в киевской газете «Советское искусство».

Медики рекомендовали побольше писать – пальцы раненые разрабатывать.

Так появился дневник о пережитом «На краю земли» – будущая повесть «В окопах Сталинграда».

Опубликована в 1946 году в журнале «Знамя».

«Окопы» называют одной из самых правдивых книг о войне.

Когда полвека назад заметно заявила о себе литература фронтового поколения – «лейтенантская проза», критики назвали лидером именно Некрасова.

Согласились и авторы, знающие о войне не понаслышке.

Александр Твардовский, Константин Симонов, Василь Быков, Григорий Бакланов, Вячеслав Кондратьев....

Вот так охарактеризовал краевед Иосиф Гегузин:

- Доскональное знание фронтовых будней, умение точно передать мысли и чувства людей, исполненных ратного энтузиазма, глубокое проникновение в их психологию.

И всё это дано автором впечатляюще, ярко, добротнo, на высоком уровне писательского мастерства – убедительности, верности жизненной правде, идейной ясности.

Книга о Сталинградской битве переведена на 36 языков, общий тираж – более четырёх миллионов.

И вершина – Сталинская премия.

Часть её лауреат передал на покупку инвалидных колясок бывшим фронтовикам.

Хотя Александр Фадеев, председатель комитета по премиям, был против награждения: ведь нет ничего о роли партии, да и о Сталине – полтора слова...

Но Иосиф Виссарионович одобрил.

Ещё вчера никому не известный киевлянин публикуется в Москве, становится спецкором «Литературной газеты».

С 47-го – заместитель председателя правления Союза советских писателей Украины. И киевских друзей не забывал.

Шестидесятник Микола Холодный:

- Без гроша за душой я случайно встретился с Некрасовым в книжном магазине.

Он отложил в сторонку только что изданный «Советским писателем» экземпляр его книги «В жизни и в письмах».

Подошёл ко мне и тихо:

- Деньги нужны?

Пока я переступал с ноги на ногу, он вложил мне в боковой карман 50-рублёвку и сказал:

- Станешь нобелевским лауреатом – отдашь.

И подписал книгу: «Дорогой Холодный, будь в жизни смелее, чем был сегодня в магазине! В. Некрасов. 17. 9. 71».

«Окопы» экранизированы, и лента «Солдаты» получает премию Всесоюзного кинофестиваля.

Затем – заграникомандировки, Франция, Италия, Бельгия.

«Новый мир» публикует путевые заметки «По обе стороны океана».

Заметки, в которых Виктор Некрасов как-то слишком красочно описал заграничные достижения.

В общем-то, ничего особенного.

Но «Известия» откликаются статьёй Мэлора Стуруа «Турист с тросточкой» о «низкопоклонстве перед Западом».

Отреагировал: купил трость, а когда дарил свои книги, то к фото на титульном листе пририсовывал тросточку и цилиндр.

И начал всё чаще прикладываться к чарке.

В 1968 году получил партийное взыскание за критические публичные высказывания и контакты с диссидентами.

И получил обвинение в организации «массовых сионистских сборищ».

Некрасов – одним из первых – совершенно справедливо возмутился отношением к месту массовых нацистских расстрелов в Бабьем Яре.

Просто свалка! А в проекте здесь, оказывается, то ли парк, то ли стадион...

Выступал с большим этим вопросом писатель неоднократно, но – лишь о евреях.

История с Бабьим Яром – очень долгая и трагичная, и даже в мирное время.

У нас в Ростове, на таком же трагическом месте в Змиёвской балке, установлен временный памятник уже в начале 50-х.

Мемориал открыт в День Победы в 1975 году.

А украинский – даже годом позже. Хотя республика, конечно, много богаче области.

Возможно, потому, что в казнях и сами украинцы участвовали. Не хотелось ворошить...

Но всё же открыли.

А Некрасов не успокаивался.

За год до смерти опубликовал в нью-йоркской газете «Новое русское слово» статью «Бабий Яр, 45 лет»:

- Здесь расстреляны люди разных национальностей, но только евреи были убиты за то, что они – евреи...

Утверждение – истине абсолютно не соответствующее.

Русских гитлеровцы убивали за то, что они русские, цыган – за то, что цыгане, коммунистов – за то, что коммунисты...

Даниил Гранин напоминал о словах Никиты Хрущёва:

- В Бабьем Яре погибли и русские. Кого больше? Если мы будем этим заниматься, то породим рознь.

Возражал Виктор Платонович, уже при Леониде Брежневем, против реабилитации Сталина.

Стоит подпись его и под петицией в ООН о нарушениях прав человека на Украине.

Конечно, и у властей терпение небезгранично.

В 1973 году писателя исключили из партии – до этого ограничивались выговорами. Обыскивали квартиру.

Несколько раз останавливала милиция.

Он называл это провокацией. И удивлялся: призывали покаяться, а в кабинеты не звали, подходили просто на улице и начинали увещевать.

Друзья говорили, что, да, не звали, чтобы лишний раз Галине твоей валерьянку не глотать!

Но – у него никакой вины нет! Какое покаяние?

20 мая 74-го Виктор Некрасов обратился к Брежневу:

- Я стал неуютен. Кому – не знаю. Но терпеть больше оскорблений не могу.

Я вынужден решиться на шаг, на который я никогда бы при иных условиях не решился бы.

Я хочу получить разрешение на выезд из страны сроком на 2 года.

Ответа не последовало, и писатель подал документы на выезд. 12 сентября 1974 года с женой и собачкой Джулькой покинул Киев.

Собирался на 3 месяца. Как оказалось, навсегда.

Умер Виктор Платонович Некрасов 3 сентября 1987 года.

На могиле Сент-Женевьев де Буа – снарядный осколок, память о Мамаевом кургане.

А весточки из Парижа шли и в Ростов, к Варваре Шурховецкой:

- Из его писем было видно, что, несмотря на сравнительно непродолжительный срок пребывания в Ростове, город ему был мил и дорог, потому что это было время молодости, мечтаний, надежд.

Александру писал, что с удовольствием вспоминает те дни, когда они были рядом, вместе трудились, так интересно работали!

Что очень высоко ставил его как режиссёра, любил за душевность, колоссальную эрудицию, за преданность театральному искусству...

Саша даже его нарисовал – в костюме.

Писал Некрасов в Ростов и Виталию Сёмину.

О Сёмине рассказано в другом сборнике Библиотеки – «В зеркале детектива».

Когда-то Фёдор Достоевский провозгласил:

- Все мы вышли из гоголевской «Шинели».

А Константин Ваншенкин заметил, что *«из этой книги вышла вся последующая пронзительная литература о войне...»*

Книга – «В окопах Сталинграда».

Спорное замечание... Чем хуже «Они сражались за Родину»? Или «Судьба человека»?

Потому что Некрасов, конкретно, сражался, а Шолохов был корреспондентом?

Да ведь речь не о военном таланте, а о таланте писателя!

Но критики XXI столетия с Ваншенкиным соглашаются.

Последнее произведение Виктора Некрасова – «Маленькая печальная повесть».

Справедливее бы было назвать «Тоска по Родине».

*

ИЗ ОСТАРБАЙТЕРОВ

Как известно, в середине прошлого века примечательным явлением были литературные объединения – ЛИТО.

Где собиралась творческая молодёжь – начинающие писатели, артисты, художники.

Более 30 лет таким объединением Ленинградского дома учёных руководил член Союза писателей СССР Юрий Слепухин.

Ныне это ЛИТО носит его имя.

Юра появился на свет 1 августа 1926 года, в Шахтах. И записан сначала Кочетковым.

Отец Григорий Пантелеймонович – донской казак.

Казачи начинали нести службу рано, поэтому успел всю Первую Мировую пройти. А под конец попал в плен.

Ирина Григорьевна пишет, что «пленившись немецким ведением крестьянских хозяйств, папа, когда вернулся, загорелся наивной идеей и на Руси привить те же навыки, а потому поступил в Сельскохозяйственный институт и стал агрономом».

Воспитанием занималась мама, Валентина Ивановна Беденко – из украинско-польских дворян.

Папа ей не мешал. И признавал:

- Для женщины ты, Валентина, слишком умна.

И воспитание давало плоды.

- В 4 года Юра уже свободно читал, в 5 с увлечением читал Гомера, особенно «Одиссею».

У нас было ещё дореволюционное издание

Очень любил баллады Жуковского, потом, лет в 10, увлекался Фенимором Купером, Майн Ридом, Вальтером Скоттом.

А лет с 12 уже читал Достоевского, Толстого и других классиков. Однако это не мешало ему быть весёлым и шаловливым.

Григорий Кочетков – главный агроном и начальник управления агротехники и механизации всего Северного Кавказа.

Ирина отмечает, что хотя и занимал отец высокую должность, никаких излишеств в семье не было.

Но и няня, и домработница – были. Что довольно странно, если мама не работала.

А работа папина требовала переездов. Сначала Пятигорск, затем Ставрополь, тогда – Ворошиловск.

В 1935 году появились на карте сразу 2 города в честь Клина Ворошилова – Ворошиловград и Ворошиловск.

Но в военном 43-м Ворошиловску вернули прежнее имя.

Как объясняют, города – не так уж далеко, случались какие-то ошибки в донесениях.

А Ворошиловград стал снова Луганском в 90-м.

В какой учился Юра школе – неизвестно. Но недоучился. В 42-м – Ворошиловск оккупирован.

Официальная биография скупко сообщает, что все Кочетковы оказались в вагоне угнанных в Германию.

Неофициальная – предполагает, что оказались добровольно.

У отца были какие-то трения с Советской властью.

К тому же Валентина Ивановна взяла к себе Галю – дочку сестры Анны, отбывавшей срок, а отец Гали, чешский коммунист Иосиф Биссе, расстрелян.

Что там происходило на самом деле, и кто в чём был виноват, история не сохранила.

Но сохранились упорные слухи, что Григорий Пантелеймонович приходу немцев был рад.

Так или иначе, Кочетковы оказалась в Германии.

Вот откуда в романе «Тьма в полдень» так много точных примет оккупационного быта.

То, что пережил Юра тогда, не укладывалось в привычные схемы...

В будущем он станет ужасаться подпольной борьбе: сколько ведь гибло мирных жителей, вообще не имевших отношения к партизанам.

Странно, что взрослый человек не понимал простейшего. Это война. И не мы её начали.

И, конечно же – и подпольщики, и партизаны – внесли огромный вклад в победу!

Если все бы рассуждали по-слепухински, то и слово «Россия», может, давно на карте не печаталось...

Если б были все как вы, ротозеи, что б осталось от страны, от Расеи...

Кочетковых определили остарбайтерами в эссенский лагерь «Шарнхорст».

Что ожидало? Холод, голод, постоянный страх бомбёжек...

И статус подневольной бесправной безличности.

Юра батрачил в вестфальской деревне у барона Гюльхера.

Как ни удивительно, но семья в лихую годину сохранилась! Писатель говорил, что заслуга матери, очень волевой и строгой женщины.

В марте 1945 года англичане вывезли всех в Бельгию.

О прибытии союзников Ирина Слепухина рассказывает так:

- Верные своей привычке, англичане оповестили о своём приближении массивным артобстрелом.

Перелопатив все поля в округе, погубив много скота и строений (людей погибло меньше – мы все отсиживались в погребах).

Зачем-то снесли старинную башню замка, на которой, кстати, было вывешено белое полотнище с громадным красным крестом – в замке разместился госпиталь.

Но для них это тоже было типично.

Обстрел длился не менее суток, зачем – непонятно.

Они ведь прекрасно знали, что в этой деревушке военных объектов нет, солдат тем более, и никакого сопротивления не будет.

Кочетковы очень боялись возвращения в домой. Да всех посадят!

- Папа был уверен, что англичане не посмеют насильно репатриировать советских граждан – ведь они всегда считались джентльменами!

- В личной жизни, может быть, - возразил брат, - но в политике они способны на всё, в истории тому много примеров...

Оказался абсолютно прав: семье пообещали, что не тронут и следом отправили в советскую зону.

Помогли сбежать эмигранты первой волны.

В будущем писатель Слепухин вспоминал всегда об этих людях с большой благодарностью:

- Они спасли всю семью – сначала в Европе, а потом в Южной Америке, где тоже была значительная русская диаспора.

Возвращаться в СССР Кочетковы отказались.

Как «перемещённые лица» 2 года прожили в Брюсселе.

Друзья-эмигранты посоветовали сменить фамилию. Так появились Слепухины – фамилия бабушки по отцу.

Сын служил в маленьких конторах, вступил в Национально-Трудовой Союз (НТС).

В 47-м семья перебралась в Аргентину.

10 лет прожил Юрий в Буэнос-Айресе. Сколько должностей пришлось изучить!

Автомехаником был, подсобником на стройке, монтажником, электриком... И даже дизайнером-ювелиром.

Изучал языки, занимался общественной деятельностью, публиковался в эмигрантской прессе. И очень много читал!

Входил в состав руководства Южно-Американского отдела НТС.

Но в 1955 году организацию покинул – уж слишком стала антисоветской.

Эмигранты не скупилась на негатив, Зинаида Гиппиус возглашала:

- Пока Эсесерия там – Россия – здесь!

А ведь он уже задумывался о возвращении!

И через год решился – подал документы в советское посольство:

- Творческие способности могут полностью проявиться лишь в условиях постоянного и тесного общения с родной стихией... Есть два пути.

Или работать здесь, дома, работать скромно и честно, помогая делать хорошую литературу.

Или обрядиться в тогу «инакомыслящего», вылететь за рубеж, на шуметь – и кануть в забвение.

Третьего пути просто нет.

Позднее, в очерке «Писатель и отечество» приведёт слова ещё одного эмигранта – Иосифа Бродского:

- Я здесь мало кому нужен, я сейчас могу напечатать что угодно, но я не знаю – нужно ли это кому-нибудь...

Ирина же утверждает, что сам не собиравшись, возвратиться предложили в советском посольстве.

Удивился:

- Я никогда не смогу симпатизировать коммунистической идеологии, но если я решу вернуться, то и вредить не буду.

Но его заверили, что прекрасно понимают и симпатий особых не ждут.

Уже в 80-е какой-то диссидент Иван Мартынов (потом в Америке обоснуется) усердно уговаривал писателя примкнуть к их рядам.

Но писатель не проникся:

- Это не моё, я в своё время всё это пережил, но сейчас вижу свой долг в другом – политики приходят и уходят, книги остаются...

В 1957 году русская диаспора экзотичной страны получила шок, пресса издевалась:

- Ужас! Слепухи эти сели на пароход! Куда?! В СССР?! Вот уж, точно, полные слепухи...

Ведь Кочетковы-Слепухины имели в Аргентине собственную мастерскую – мокасины шили.

Григорий Пантелеймонович был уже очень богатым человеком, а Юрий Григорьевич – достаточно известным литератором.

Но всё же переезжают.

Ирина:

- Кроме Москвы и Ленинграда, мы имели право выбрать для жительства любой город Союза, мы выбрали Воронеж, даже не помню почему, наверное, он нам показался чем-то исконно русским.

В это же время мы ещё успели побывать в Ростове.

Встретились с братом отца Павлом, воссоединения не случилось:

- Он и его жена Мария всё больше молчали, глядя на нас с неммым изумлением, время от времени тихо повторяя: «А мы-то считали вас давно погибшими...»

Мы прогостили у них неделю, убедились, что Ростов ничем не лучше Воронежа.

...Вот так началась наша жизнь на родине.

Мне она давалась очень трудно, и я долго не могла в неё вписаться, да, пожалуй, по-настоящему так и не вписалась...

А вот Юрий Григорьевич, несмотря на очень серьёзное разочарование, не жалел о своём выборе, полагая, что место писателя на родине, какой бы она ни была.

Зато люди здесь, как ни странно, явно так не считали.

- Скажи, Слепухин, ты кто такой? Дурак или стукач? Чего тебя сюда принесло?!

Он только посмеивался и спокойно отвечал:

- Что не стукач, это мне известно, а дурак ли? Не знаю... выбирайте, кому что больше нравится...

Братья-писатели, за редким исключением, его просто не приняли.

Возможно, они его просто не понимали... поди разберись!

...Я не понимала, почему такое отношение. А он говорил:

- Если подумать, то всё справедливо.

Вернувшись в Советский Союз, я погрешил против совести, в какой-то степени пойдя на соглашение с властью, которую считал преступной.

Да нет, если бы только преступной – эта власть была дьявольской!

Так о каком же успехе после этого могла идти речь? Я его не заслужил. Я же принял их приглашение?

Поверь, этого достаточно, за всё приходится платить, и отсутствие успеха не самая большая плата!

А читатели его как раз приняли и очень любили, ждали его книг, забрасывали письмами.

Успех его сочинений был огромный, они раскупались в один-два дня.

Обосновались в Воронеже. По одной из версий – запретили появляться в крупных городах, так как отказался сотрудничать с органами.

После Воронежа – Ломоносов и Всеволожск.

Жили в коммуналке, его книги не пропагандировали и о нём не писали.

В 39 лет Юрий решился прервать холостую жизнь, избранница – профессорская дочка Татьяна Дмитриевна Новожилова, сотрудница НИИ.

В 66-м родилась Ксения.

Ирина:

- В это время он издавался, и потому, устав от жизни в коммунальной квартире, а главное, собираясь завести семью, в конце 1964 года купил дом во Всеволожске.

Где и прожил до самой смерти. Но этот брак не сложился.

Ирина и здесь лукавит. Издавался.

Но в день-два ничего не раскупалось – есть свидетельства, что уценяли и даже возвращали назад в издательство.

Замечать стали только в 70-х. Но, если мог дом купить, значит, не бедствовал!

- В 1973 году он встретил Наталью Александровну Шапарнёву, она была намного младше, но их это не испугало. В 1986 году – сын Глеб.

Ксения и Глеб дружны, обе его вдовы пребывают в родственных и очень добрых отношениях, заслуживают самого огромного уважения и любви...

В 1996 году писателя сбила машина.

Долго лечился, благодаря усилиям всеволожских врачей прожил ещё 2 года.

Его не стало 6 августа 1998 года.

Накануне, 1 августа, встретил свой 72-й день рождения.

Ему желали творческого долголетия и завершения очередного романа с символическим названием «Не подводя итогов»...

Он и в самом деле не подвёл итоги, не успел, не дописал...

Пресса откликнулась:

- Добрый, весёлый, обаятельный, невероятно щедрый русский человек. Любящий жизнь и литературу как самое своё кровное, самое драгоценное дело жизни.

Делать особый акцент на своей биографии – Юрий Слепухин не любил. Хотел, чтобы его воспринимали первым делом как прозаика.

10 романов, 3 повести, множество статей. Но именно судьба сыграла в творчестве решающую роль.

Он тяжело переживал годы «непечатанья», писал в стол.

К периоду вынужденного затворничества относится создание ни на что не похожего «Киммерийского лета».

Это своеобразное продолжение знаменитой тетралогии о Второй мировой войне: «Перекрёсток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почётно», «Ничего кроме надежды».

Первая часть начата ещё в Аргентине:

- Вначале я совершенно не представлял себе, что, собственно, намерен написать.

Знал лишь о чём: это должен быть рассказ о моих школьных друзьях, о неповторимой обстановке последнего предвоенного года, о небольшом городе на юге России, где я тогда жил.

Словом, весь замысел – совершенно ещё не ясный мне самому – был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией.

О том, что такое жизнь в оккупации и что такое жизнь остарбайтера, Слепухин писал много.

В романе «Тьмы в полдень» прозвучит:

- Вдруг, в середине XX века, в цивилизованном государстве возрождаются институты рабовладельческого общества. Как? Почему?

В Аргентине начата повесть «Джоанна Аларика» – о событиях 1954 года в Гватемале.

В романе «Южный крест» доброволец Михаил Полуниин попадает в плен и, после побега и участия во французском Сопротивлении, тоже оказывается на другом конце света.

Интересовала репатрианта и земля российская. Серьёзное повествование об эпохе Ивана Грозного – «Государева крестница».

И своеобразный «опыт художественного исследования истории» времени сравнительно недавнего – повесть «Пантократор».

В 2003 году в Петербурге открыт Слепухинский благотворительный фонд: «Лучшие книги – библиотекам». Цель: просветительская деятельность.

И обеспечение, на льготных условиях, библиотек литературой высокого уровня.

Возглавляют Фонд интересные люди. Михаил Толстой, внук великого Алексея Толстого. И Михаил Глинка – внучатый племянник великого композитора.

И, конечно, Наталья Слепухина.

Наталья Александровна так и живёт в том всеволожском доме, по улице Достоевского, в окружении мировых знаменитостей: рядом улица Льва Толстого, проспекты Гончарова и Гоголя...

И в этом «писательском квартале», в самом конце – небольшая зелёная улица писателя Юрия Слепухина.

Носит его имя и Городская библиотека.

Но как бы к Советской власти бывший эмигрант ни относился, Россию он любил.

Фрагмент из романа «Сладостно и почётно».

Своеобразные рассуждения-удивления высокого немецкого полковника Хеннинга Трескова:

- Так вот, слушайте: у русских есть свой – национальный, я бы сказал – метод ведения войны, и придерживаются они его с неукоснительным постоянством.

Всякий раз, когда Россия оказывается втянутой в большую европейскую войну, война застаёт их врасплох, неподготовленными, растерянными, плохо вооружёнными.

Это всегда период кризиса, когда, казалось бы, ещё один толчок, и страна рухнет.

Но из этого кризиса, русские всегда каким-то чудом выкарабкиваются.

Они начинают медленно накапливать силы, равновесие постепенно восстанавливается, и в конце концов они вдруг оказываются несокрушимо сильными.

Это всегда так. Я повторяю: всегда!

Так было в XVII веке с поляками, в XVIII – со шведами, в XIX – с французами... ну а в XX – с нами, оба раза.

Да, да, я имею в виду и ту войну, не удивляйтесь...

Короче говоря, русские всегда начинают с поражений, но кончают победой. Заметьте, я не случайно сказал: в больших войнах!

Малые локальные конфликты, вроде Севастополя или Порт-Артура, не в счёт.

Тут тоже есть определённая закономерность: русским, чтобы воевать хорошо, надо воевать всерьёз.

В большой войне на карту ставится жизнь нации, и нация всегда это понимает...

Воспоминания Ирины Григорьевны Слепухиной пронизаны презрением к СССР. И, наоборот, полно дифирамбов капиталистическому Западу.

Если было так плохо, чего не уехала обратно в Аргентину?

Но в конце воспоминаний – сама себе противореча – она выдаст:
- *Ныне же мы имеем дело с начальным и потому самым гнусным, беспардонным капитализмом, иными словами – из огня да в полымя!*

Какая уж тут духовность?

Как крик души.

*

ИЗ ОТВСЕКРЕТАРЕЙ

Безмолвие, тишина, молчание.

Робкий ветерок пронёсся над верхушками сосен – зашумел лес, ворвались в ночь тревожные голоса птиц, шорохи ветвей, тихий шелест разбуженных листьев.

Бледный свет далёкой звезды упал на просеку.

Тень покачнувшейся ветки, белый пенёк – никого нет. Один под высоким небом задумчиво шумит лес...

Кажется, давно покинул человек эти места – пустынно, безмолвно вокруг.

Но вот донёсся неясный шорох, и властный голос останавливает пришельца:

- Стой! Пропуск!

Темно, но лес видит.

Где эти глаза, проникающие сквозь тяжёлую чащу, где эти уши, ловящие далёкое шуршание листвы?

Где этот страж?

Может быть, за высокой сосной? За елью? За орешником? У дуба?

Пусть подойдёт непрошенный к сосне – он здесь, этот страж. Пусть подойдёт незванный к берёзе – он здесь.

Лес видит, лес слышит, лес бодрствует.

Где этот страж? Он всюду.

Стоят в карауле бойцы. Их день – ночью.

Незаметная тропка, сваленное деревцо – всё известно караулу, всё присмотрено, всё прицелено.

Врагу не пройти, не прошмыгнуть, не проскочить, не пролезть. Блеснёт сталь штыка, ясный голос остановит пришельца:

- Стой! Пропуск!

Направо, налево, у дороги, из-за кустов, сверху и с боков, невидимые, но зоркие глаза.

Они не пропустят. Они не выпустят. Неизвестно откуда рядом вырастает человек с ружьём.

Кто несёт эту службу, оберегая дорогу, оберегая каждую тропку, оберегая товарищей?

Подходим к первому:

- Фамилия? Откуда, товарищ?

- Бабояров Абдул. Узбекистан.

Подходим к другому:

- Фамилия? Откуда, товарищ?

- Койчубеев Джалдашал. Киргизия.

Подходим к третьему:

- Фамилия? Откуда, товарищ?

- Ширинов Акбар. Таджикистан.

- Кто стоит рядом?

- Адильбеков Азис. Азербайджан.

- Кто справа?

- Шалмасов Арам. Татария.

- Кто слева?

- Доля Фёдор. РСФСР.
- Кто впереди?
- Кураков Василий. Белоруссия.
- Кто у дороги?
- Яхин Зуфар. Башкирия.
- Багдасаров Николай. Армения.
- Где командир?
- Вот он. Хоменко Кондрат. Украина.

Тихо. Темно. Лес видит и слышит. Не пройти, не прошмыгнуть, не проскочить.

На часах – вся страна.

«На посту», фронтовой очерк Михаила Штительмана.
Газета «К победе», 27 августа 1941 года.

Маленький этот очерк – как зеркало той, советской, жизни.
Где действительно было единство всех народов.

Миша родился в Одессе 13 ноября 1911 года, отец – бухгалтер Ефим Моисеевич Штительман.

О матери сведений не нашлось.

Через 3 года обосновались в Ростове.

Старший и младший Штительманы очень были близки. Сын сочинять начал рано, и папа начинание всячески поддерживал.

Записал в библиотеку, много рассказывал сам.

А уходя на работу, наказывал:

- Давай, вот, опиши, всё, что в окошко увидишь!

И по вечерам Ефим Моисеевич и Миша задание разбирали. Без критики, очень по-доброму.

Поэтому и главное своё произведение – «Повесть о детстве» посвятит писатель отцу.

Первую «правильную» заметку написал Мишка в 10 лет. И отправил в газету. Всему двору расхвастался!

Редакция ответила. И корреспондент получил первый удар судьбы:

- Юнкору Штительману. Не пойдёт. Пиши!

Друзья дворовые, конечно, поиздевались. Юнкор погоревал, но недолго.

Биограф отмечает:

- Указание было принято к исполнению.

Но с одним существенным дополнением: нечего ждать милостей от редакций, надо организовать свою газету!

Хотя бы выходящую для жильцов дома на углу Пушкинской и Казанского (сейчас Газетный переулок).

Миша стал одним из организаторов школьного литературного журнала «Всходы».

На последней странице, там, где помещено оглавление, пером «рондо» старательно выведено:

- Отв. редактор – М. Штительман.

Печатался журнал на машинке, а заголовки рассказов и стихов писались от руки.

И старания не прошли даром: Михаил становится настоящим корреспондентом!

Его заметки публикуют журнал «Горн» и газета «Ленинские внучата».

Выпуски газетные тех лет сохранились.

В предновогоднем, 25 декабря 1925 года, фамилия Штителъман встречается трижды!

- Во-первых, среди ребят, приславших правильные ответы на конкурсный ребус.

Во-вторых, среди участников дискуссии, шедшей в газете на довольно «острую» тему: «Нужно ли вставать при входе учителя?»

Миша категорически утверждал:

- Вставать нужно. Это знак вежливости перед старшим товарищем – педагогом. Вставая, мы здороваемся с учителем.

Анархические замашки приятелей-школьников Миша не приемлет.

И потому, в-третьих, в том же номере «Ленинских внучат» он выступает с резкой заметкой «Чья вина?» о том, как двое мальчишек подрались, и младший из них скончался.

- Выходит, - писал потрясённый деткор, - что каждая мать должна беспокоиться за жизнь своего ребёнка, который учится в школе?..

Спрашивается, неужели для того, чтобы изжить хулиганство в школе, нужно возвращаться к старым жандармским способам?

Так 14-летний мальчишка был озабочен проблемами жизни, окружающей его.

После школы работал Миша подносчиком на ростовско-австрийском заводе «Жесть-Вестен», но думал только о журналистике!

Конечно, печатался в заводской многотиражке. Потом был нештатным в одной из туапсинских газет.

И, наконец, мечта сбывается!

Михаил Штительман – студент филфака Ростовского пединститута и сотрудник областной молодёжной газеты «Большевицкая смена».

Своим педагогом и наставником называл писателя Полиена Яковлева. О Яковлеве рассказано в другом сборнике Библиотеки – «От поэмы – до доклада».

В 34-м выходит первая книга «Сын родился», а вскоре и столичное издательство публикует его «Рассказы о друзьях».

И – «Повесть о детстве».

Об обычном детстве обычного еврейского мальчика Сёмы. О детском восприятии мира:

- Говорят, что в больших городах каждая улица имеет название: ну, допустим, Крещатик, или Садовая, или ещё как-нибудь.

В Сёмином городе улицы не имели никаких названий, и даже при желании заблудиться здесь было трудно.

Во-первых, всего три улицы, во-вторых, что такое улица? Если в местечко въезжают дроги, так задние колёса стоят на тракте, а оглобли упрутся в конец улицы.

Вот и гуляй по таким проспектам!

Критика отмечала:

- Молодой писатель входил в литературу уверенно и удачливо.

И всё-таки впереди была главная книга – «Повесть о детстве».

Над ней Михаил Ефимович работал долго, понимая, что замысел – показать, как изменилась судьба и сознание простого мальчишки Сёмы Гольдина после революции – требует напряжения всех сил.

Откройте повесть, и вас гурьбой окружат её герои – и непохожие друг на друга, и в чём-то схожие, повеет воздухом маленького окраинного городишка дореволюционной России, которые назывались местечками...

И оживут перед вами надежды и каждодневные заботы населявших такое местечко людей, их стремления, их заблуждения и предрассудки, и то новое, что с революцией вошло в их жизнь, круто изменило их судьбу.

Сёма со смешным прозвищем «Старый нос» – образ, несомненно, автобиографический.

Так много того, что было присуще юному Штительману!

И – всех остальных и всё остальное в повести видим мы такими и таким, как оно запечатлевалось в больших удивлённых глазах Сёмы.

Александр Фадеев назвал автора «нашим советским Шолом-Алейхемом».

Автор набрался смелости и послал экземпляр Шолохову. И знаменитому земляку понравилось:

- Товарищ Штительман! Примите 1000 моих извинений. Только недавно прочитал.

Книга тёплая, и я не раскаиваюсь, что чтение отложил на осень. Когда холодно, тёплое согревает. Привет!

Мих. Шолохов

23 ноября 1938 г.

Учительница Евгения Григорьевна Вишневецкая с 1938 года хранила фотографию: писатель со старшеклассниками 37-й школы:

- Он рассказывал о том, как собирал материалы для своей «Повести».

Ведь он учился в этой школе, многие учителя знали его...

Говорил долго, интересно. Я сама, помню, слушала его с удовольствием. Держался просто.

Насмешил всех рассказом о строгом школьном швейцаре Лисюке, который не пускал его школу.

Много юмора и в «Повести», каждому из героев посвящена отдельная глава.

Вот бабушка и дедушка Сёмы.

- У дедушки всегда деловой вид, всегда он куда-то торопится. Прежде чем совершить сделку, дедушка с жаром рассказывает, что эта сделка может дать.

- Допустим, - говорит дедушка, - мадам Фейгельман согласится продать свой дом с флигелем за 500 рублей. Как раз сейчас хочет купить дом без флигеля мосье Фиш...

Мы продаём Фишу дом, а на комиссионные забираем флигель и сдаём его семье Ровес. Это даст нам... - дедушка щурит правый глаз, - 50 - 60 рублей в год!

Но потом выясняется, что мадам Фейгельман не продаёт своего дома, а думает лишь его продать, когда её сын Моська, которому сейчас год, достигнет совершеннолетия.

А господин Фиш действительно хотел купить дом на те деньги, что он заработает при покупке партии леса у польского помещика.

Но так как помещик прогорел и лес не прибыл, то он, Фиш пока дом не покупает.

Так рушится вся дедушкина постройка!

Два дня бабушка распекает его за флигель, а на третий дедушка придумывает остроумную операцию с бязью и подсчитывает, что это дело может дать.

Уже в сентябре 39-го «Повесть» (под названием «Мальчик из местечка») – на сцене, авторы Михаил Штительман и Сергей Званцев.

Вторую часть, в 40-м, опубликовал уже столичный журнал «Октябрь».

И сразу же – инсценировка, «Первая весна», совместно с Яковом Левиным.

Левин ехидничал:

- Как соавтор – он был свиреп, зол, желчен. Иначе говоря – взыскателен.

А, наверное, так и должно быть. Иначе ведь главная нить порвётся и потеряется...

Но и тогда же первый редактор московского издания «Повести» Юрий Лукин отмечал, что Штительман имел *«удивительно нежную душу»*.

К тому времени Михаила Ефимовича уже приняли в Союз писателей СССР. Назначен руководителем Ростовского отделения.

И ответственным секретарём в редакции главной областной газеты «Молот».

Выходит сборник «Счастье быть молодым». Соавторство Михаила Штительмана и Григория Каца.

А затем и общая пьеса «Твой добрый друг».

Поставлена весной 41-го в театре Ленинского комсомола (бывший ТРАМ) Борисом Фателевичем, музыка Павла Гутина.

Восторженные отклики, по воспоминаниям, дошли до Москвы!

О ТРАМе, Театре рабочей молодёжи, рассказано в других сборниках Библиотеки – «А вот это – попробуйте!» и «Эстетика. Творчество. Общение.»

А в начале войны снова стал руководитель донских писателей «отвсекретарём», теперь – в армейской газете 19-й армии «К победе». Мог дома сидеть – бронь была.

Но он пришёл в Союз писателей и сказал:

- Я иду на фронт. Кто со мной?

Под Вязьмой, где располагалась полевая редакция, бок о бок с солдатами сражались и литераторы.

Биограф отмечает:

- Самые молодые рвались на линию огня.

И место газеты «К победе» было именно здесь.

Газетчик под пулями, на передовой, пишет о том, что видит, и снова – туда, где бой.

Газету любили.

Её читали и перечитывали солдаты в затишье между боями, она вселяла веру в победу, в правое дело.

Публиковались в ней не только очерки, заметки, стихи, но и басни, фельетоны о врагах.

Хлёсткое перо оказалось у самого штатского по характеру и внешнему виду, неутомимого чечёточника, очень остроумного в жизни, ответственного секретаря Миши Штительмана.

А писал этот самый штатский не только для газеты – активно участвовал во Всесоюзном литературном радиожурнале.

Москва постоянно транслировала лучшие строки советских писателей – Валентина Катаева, Льва Кассиля, Виктора Гусева, Ильи Эренбурга, Василия Лебедева-Кумача...

И транслировались штительманские «трогательные эскизы».

«Литературная газета», 17 сентября 1941 года:

- Эскизы Штительмана ценны тем, что в них проступают черты нового героя, участника Отечественной войны...

Помните, как у Симонова?

*От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы ни скитались мы в пыли!
С лейкой и блокнотом,
А то и с пулемётом,
Сквозь огонь и стужу мы прошли...*

Вот и ответсекретарь быстро овладел и автоматом, и пулемётом. Но и удивился и, конечно, очень обрадовался, когда узнал, что за храбрость и мужество представлен к ордену Красной Звезды!

Но получить боевой орден он не успел. В октябре 1941 года погиб в одном из боёв в окружении под Вязьмой.

4 месяца всего пробыл на фронте Михаил Штительман со своими друзьями-литераторами. Долгое время считался пропавшим без вести.

И лишь в 1980 году ростовские поисковики обнаружили захоронение, после чего останки перенесены в братскую могилу на Екатерининском кладбище Вязьмы.

Михаил Шолохов горько подытожит:

- Он прожил честно жизнь и умер честной солдатской смертью.

Слово дочери Ирэне Барановской:

- Сейчас меня поражает то, как много он успел в свои неполные 30 лет: повести, рассказы, очерки, пьесы...

Писал вместе с Григорием Кацем. Как-то у меня сложились строчки:

*Сохраним надолго
Мы, как талисман,
Книги их на полках –
Кац и Штительман...
В жизни были рядом,
На обложках книг,
В списке для награды.
И... в последний миг!*

*В той военной дали,
Там, где смерть вокруг,
Они точно знали,
Кто «Твой добрый друг»...*

Михаил Штительман был очень талантлив и мог бы многое сделать для русской литературы.

Его рассказ «Скрипка великана» оканчивается фразой:

- Песня не умолкнет никогда!

Не умолкнет. Журналистами станут его внук Михаил Барановский и племянник Александр Белов.

А «Повесть о детстве» не раз выходила и в Ростове, и в Москве. А в Польше издана под своеобразным названием – «Вкус соли и перца».

Читают и в XXI веке.

Как сказано в одном из отзывов, *«она – старое, но верное оружие в нравственном воспитании современных читателей»*.

*

СЛОВАРЬ:

Бахтерев Игорь Владимирович – писатель и искусствовед

Гегузин Иосиф Моисеевич – известный ростовский краевед и журналист.

Гутин Павел Эммануилович – известный донской композитор.

Деткор – детский корреспондент.

Званцев Сергей (Александр Исаакович Шамкович) – писатель и редактор.

Каракис Иосиф Юльевич – известный архитектор, художник и педагог.

Кац Григорий Михайлович – известный ростовский поэт.

Коневцы – бойцы оборонительной операции Западного фронта под командованием генерала Ивана Семёновича Конева.

Ле Корбюзье Шарль-Эдуар Жаннере-Гри – знаменитый французский архитектор-модернист и писатель

Левин Ян Александрович (Ян Сашин) – писатель, журналист и переводчик.

Лукин Юрий Борисович – известный критик и кинодраматург.

Остарбайтеры (работники с Востока) – люди, угнанные в Германию как бесплатная рабочая сила.

Разумовский Александр Владимирович – известный писатель и режиссёр, Сталинский лауреат.

Репатриация – возвращение на Родину, организованное государством.

Спецкор – специальный корреспондент.

Стуруа Мэлор Георгиевич – известный писатель и журналист-международник.

Урин Дмитрий Эрихович – писатель и журналист.

Фателевич Борис Савельевич – известный ростовский режиссёр.

Хмельницкий Николай Иванович – драматург и переводчик XIX века, смоленский губернатор.

Холодный Микола (Николай Константинович) – украинский поэт и переводчик.

Чужой (Кожич) Иван Платонович – украинский актёр и режиссёр.

Шаховской Александр Александрович – драматург XIX века, князь, руководитель императорских театров.

Шестидесятники – поколение послевоенной советской интеллигенции, часто со скрытой оппозицией.

Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович) – знаменитый российско-американский писатель XIX века, один из основоположников еврейской литературы.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Барановская И. «Молотом» связано многое... // Молот. – 2002. – 26 апреля. – С. 11.

Барановский М. Ни слова против совести // Комсомолец. – 1988. – 4 октября. – С. 4.

Большая российская энциклопедия. – М.: Российская энциклопедия, 2017.

Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

Герои Дона: биобиблиографический справочник. – Ростов-н/Д: ДГПБ, 2017.

Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. – М.: Воениздат, 1988.

Гладилин А. Пишу Вам как подписчик «Огонька» // Огонёк. – 1989. – № 13. – С. 5.

Гонтмахер М. Евреи на донской земле. – Ростов-н/Д: Ростиздат, 2007.

Дзюба И. Не сдавшийся лжи // Радуга. – 1990. – № 2. – С. 106.

Дон литературный. Писатели России. – Ростов-н/Д: Альтаир, 2006.

Жукова Е. «Не будем проклинать изгнание» // Всеволожские вести. – 2011. – 3 августа. – С. 7.

Журахович С. Несгибаемый // Радуга. – 1990. – № 2. – С. 100.

Концевий В. Париж без праздника // Нева. – 1989. – № 1. – С. 78.

Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1975.

Литература русского зарубежья возвращается на Родину. – М.: Рудомино, 1993.

Лурье С. О доброте и человечности // Ленинградская правда. – 1986.
– 21 января. – С. 11.

Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты» – М.: РУДН, 2011.

Некрасов В. В окопах Сталинграда. – М.: Сов. писатель, 1987.

Немиров Ю. Михаил Штительман: судьба и книги // Молот. – 1989.
– 6 мая. – С. 2.

Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. – М.:
Прогресс, 1983.

Привалов К. «Это вам говорю из Парижа я» // Литературная газета.
– 1988. – 31 августа. – С. 5.

Слепухин Ю. Избранное в 5 т. – СПб.: Ладога, 2005.

Штительман М. Повесть о детстве. – Ростов-н/Д: Кн. Изд-во, 1970.

Шулепова Э. Русский некрополь под Парижем. – М.: Прогресс, 1993.

Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. – СПб Фонд Слепухина:
Ладога, 2012.

Абламская Е. Судьба писателя Юрия Слепухина // Град Петров. –
URL:

<https://www.grad-petrov.ru/broadcast/sudba-pisatelya-yuriya-slepuhina/?ysclid=mdh8yo9eou399437706> (Дата обращения:
09.02.2026). – Текст: электронный.

Базий Галина Викторовна – жена В. П. Некрасова // Семейные
истории. – URL:

<http://www.famhist.ru/famhist/klasjon/0002d857.htm> (Дата
обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Биография Юрия Слепухина // Фонд Юрия Слепухина «Лучшие книги – библиотекам». – URL: <http://www.yslepukhin.ru/content/person/biografia/index.php> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Давыдов И. Жизнь и судьба Виктора Некрасова // Николай Стариков. Политик, писатель, общественный деятель, 10.07.2021. – URL: <https://nstarikov.ru/zhizn-i-sudba-viktora-nekrasova-1236688?ysclid=mdh9k4gs9f422755792> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Некрасов, Виктор Платонович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2,%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Память о Викторе Некрасове: Памятная доска в Ростове-на-Дону // Сайт памяти Виктора Некрасова. – URL: <https://nekrassov-viktor.com/Memory/Nekrasov-Memo-Rostov-na-Donu/> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Перекрёсток жизни Юрия Слепухина // Всеволожские вести, 06.08.2018. – URL: <https://vsevesti.ru/2018/08/06/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BA%D1%80%D1%91%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8->

%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%8F-

%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD
%D0%B0/ (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

«Песня не умолкнет никогда...» Михаил Штительман // Ростовская областная детская библиотека им В. М. Величкиной. – URL: https://web.archive.org/web/20160419074945/http://rodb-v.ru/literary-ethnography/modern_writers/titel_man/ (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Почему я пишу о войне? Интервью для «Вечернего Ленинграда» (сентябрь 1984 г.). – URL: <http://www.slepukhin.ru/content/read/doc/slepuhin6.pdf> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Слепухин, Юрий Григорьевич // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B5%D0%BF%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD,%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Ставрополь Юрия Слепухина // ВКонтакте, Издательство Речь – детские книги. – URL: https://vk.com/wall-5360407_84681 (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Штительман, Михаил Ефимович // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D0%95%D1%84%D0%B8%D0%BC%D0%>

BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Штительман Михаил Ефимович // Донские страницы / Донская государственная публичная библиотека. – URL: <http://pro-don.dspl.ru/personnelinfo/mihail-shtitelman-donskoj-pisatel?ysclid=mdh6levl62464799542> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Штительман Михаил Ефимович // Смоленский некрополь. – URL: https://smolnecropol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=142:2012-10-27-17-05-26&catid=40:2012-09-09-05-46-56 (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Щеглова Е. Остарбайтер // Литературная газета, 01.01.2007. – URL: <https://lgz.ru/article/ostarbajter/?ysclid=mdh90b0t3c331874596> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Щербаков А. Солдат, писатель и диссидент Виктор Некрасов // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2020/09/27/544?ysclid=mdh9o62f4q720000442> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Юрий Слепухин // Livelib. – URL: <https://www.livelib.ru/author/130235-yurij-slepuhin?ysclid=mdh8k1e6m573280387> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Юрий Слепухин «Дорогами своей судьбы» // ВО!круг книг. Блог центральной библиотеки им. А. С. Пушкина и библиотек Челябинска, 01.08.2021. – URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2021/08/blog-post.html?ysclid=mdh92qjowa534998923> (Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

Юрий Слепухин: советский писатель, уехавший в Аргентину и вернувшийся в СССР // Дзен, Издательство «Дом историй», 20.09.2023.

– URL:

<https://dzen.ru/a/ZQr5TZhXsGtHzHl9?ysclid=mdh7jwbqgo510381001>

(Дата обращения: 09.02.2026). – Текст: электронный.

*

Книга «В той военной дали...» рассказывает о жизни и творчестве писателей Михаила Ефимовича Штительмана, Виктора Платоновича Некрасова и Юрия Григорьевича Слепухина.